

**К вопросу об отличительных особенностях
режимов А.В. Колчака и А.И. Деникина**

Доклад был прочитан 25.10.2019 на научной конференции «Гражданская война на Юге России», посвященной 100-летию Орловско-Кромской операции, в г. Орел. Публикуется в рамках социально-значимого проекта «1919 год – два цвета российской истории», реализуемого НБФ «Наследие» с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов.

Главными очагами Белого движения в годы Гражданской войны были Восток России под предводительством адмирала А.В. Колчака и Юг России, на котором установилась власть генерала А.И. Деникина. В периоды их наибольших военных успехов власть Колчака весной 1919 г. простиралась на всю Сибирь, Урал, Дальний Восток и часть Туркестана; власть Деникина осенью 1919 г. охватывала Северный Кавказ, Крым, Новороссию, почти всю Украину, Дон, часть Поволжья и центрально-чернозёмные губернии России; численность их армий измерялась сотнями тысяч солдат, казаков и офицеров. По масштабам это несопоставимо с остальными белыми формированиями (Н.Н. Юденича, Е.К. Миллера, П.Н. Краснова и др.), в разное время игравшими локальную роль в различных регионах обширной страны. Поэтому для историка наиболее интересно выделить отличительные особенности именно этих двух главнейших очагов Белого дела.

Общая социально-экономическая, политическая и национальная программа Белого движения была в целом единой и достаточно широко известна. Её единство обуславливалось и общими целями Белого движения в рамках всей России, и его морально-политическим единством, когда в разгар Белой борьбы все предводители белых армий и регионов признали верховную власть адмирала А.В. Колчака в качестве Верховного правителя России. Тем не менее, региональные различия давали о себе знать, особенно в условиях территориальной оторванности основных белых армий друг от друга. Они носили частный и второстепенный характер, но тем не менее их прояснение (равно как и причин, их вызвавших) чрезвычайно любопытно в смысле

характеристики оттенков и своеобразия каждого из основных белогвардейских режимов и их армий.

Начнём с социально-экономического законодательства. На Востоке у А.В. Колчака оно было существенно либеральнее, чем на Юге у А.И. Деникина. При Колчаке были практически сразу же отменены государственные товарные монополии, за исключением вино-водочной и сахарной, и восстановлена полная свобода торговли¹ (а в дальнейшем – и свободная купля-продажа земли²). При Деникине это произошло лишь в июле 1919 г.³ Кроме того, законодательство Колчака предоставляло крестьянам право сбора урожая с захваченных помещичьих земель целиком в свою пользу (временно, вплоть до окончательного решения земельного вопроса, предполагавшегося после войны)⁴. При Деникине же треть урожая по закону изымалась в пользу бывших владельцев (крестьяне прозвали это «указом о третьем снопе»)⁵.

Во многом это объяснялось различной социально-политической обстановкой на Юге и на Востоке. На Востоке практически отсутствовало помещичье землевладение, которое, наоборот, господствовало на Юге. Поэтому Колчак хотя и формировал своё законодательство с «прицелом» на всю страну, но в выборе своих решений был значительно свободнее Деникина, на которого сильное давление оказывало помещичье «лобби». Понимая это, адмирал писал генералу: «Ссылка на руководящие директивы, полученные от меня, могла бы оградить Вас от притязаний и советов заинтересованных кругов»⁶. Сама социальная среда на Востоке была более социально однородной и более благоприятной для белых: крестьянство и казачество – гораздо более

¹ Постановление Совета министров об отмене государственного регулирования хлебной, мясной и масляной торговли, 10 декабря 1918 г. // Правительственный вестник. 1918. 14 декабря; Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Вып. 1. С. 42.

² Расторгуев С.В. Аграрная политика колчаковского правительства: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 10.

³ Шацлло М.К. Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции (1917 — начало 1920-х гг.). М., 2008. С. 321–322.

⁴ Декларация Российского правительства о земле, 8 апреля 1919 г. // Правительственный вестник. 1919. 10 апреля; ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 4. Д. 18. Л. 256 об; Известия Министерства земледелия. 1919. №9–10. С. 2.

⁵ Цветков В.Ж. Влияние Верховного правителя России адмирала Колчака на формирование аграрной политики деникинского правительства (лето–осень 1919 г.) // История белой Сибири: мат-лы II междунар. конференции. Кемерово, 1997. С. 144–148.

⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 4. Берлин, 1925. С. 223–224.

зажиточными, чем в Европейской России (к тому же крестьяне здесь не боялись возврата помещиков); рабочий класс, составлявший основную опору советской власти – сравнительно более малочисленным, в основном – на Урале, где в силу своей специфики (высокие зарплаты на военных заводах и фактическое положение «рабочей аристократии», а также тесная связь с деревней) рабочие сами восстали против власти большевиков с её продрозвёрсткой и уравниловкой и в дальнейшем составили ядро Ижевской и Воткинской добровольческих дивизий в армии Колчака, отличавшихся исключительно высокими боевыми качествами; дворянство – наиболее консервативный слой общества – был крайне малочислен, помещики отсутствовали вовсе. Просоветскими настроениями отличались лишь столыпинские переселенцы в деревне (крестьяне-«новосёлы», завидовавшие более зажиточным коренным крестьянам-«старожилам») и немногочисленные железнодорожные рабочие (последние – как и по всей стране). Сказывалось и то, что правительство А.В. Колчака наследовало демократической Директории и её предшественникам, и хотя и пришло к власти в результате переворота, но общая политическая палитра на Востоке была существенно демократичнее, чем на Юге: в правительстве Колчака преобладали кадеты, в союзе с которыми находились наиболее правые представители социалистических кругов (основная часть которых – эсеры и меньшевики – находились в оппозиции режиму, как и при власти А.И. Деникина).

Власть же Деникина изначально формировалась на базе авторитарных военных традиций Добровольческой армии, и в его правительстве («Особом совещании») примерно поровну были представлены как кадеты (причём занимавшие здесь более правые позиции, чем на Востоке), так и правые круги (практически отсутствовавшие у Колчака). Сама социальная среда на территориях, занятых А.И. Деникиным, была гораздо более сложной и разнородной, от «сливок» консервативно настроенного дворянства до враждебно настроенных к нему крестьян на бывших помещичьих землях, к тому же испытывавших, в отличие от сибирских крестьян, острый дефицит

земли, и просоветски настроенных рабочих Донбасса и Причерноморья; среди населения же Украины были достаточно распространены националистические, «самостийные» настроения, что приводило к военным столкновениям деникинской армии с украинскими националистами-петлюровцами. На фоне всего этого социально-политические противоречия на Юге были острее, чем на Востоке, а власть белых менее устойчивой.

В организационном отношении режимы А.В. Колчака и А.И. Деникина также имели свою специфику. С одной стороны, Деникин имел более сильную в кадровом отношении армию, и прежде всего это касается её ядра – прославленной Добровольческой армии. Это объяснялось тем, что большая часть офицерства, как и политической элиты старой России, оказалась в Гражданскую войну на Юге. Отсюда избыток кадрового офицерства, особенно в легендарных «цветных» дивизиях, составивших главную ударную силу белых на Юге – Корниловской, Марковской и Дроздовской, отличавшихся высочайшими боевыми качествами (краткая характеристика Добровольческой армии красной разведкой гласила: «Очень сильный командный кадр. Настроение исключительно контрреволюционное»⁷). Именно этой высокой боеспособностью своего ударного ядра А.И. Деникин был обязан тем, что на протяжении полутора лет, с июня 1918 по октябрь 1919 г. (за исключением небольшого промежутка в апреле–июле 1919 г.) неизменно одерживал победы над красными численно меньшими силами.

Напротив, армия А.В. Колчака испытывала существенный кадровый дефицит офицеров. Некомплект офицеров достигал 10 тыс. чел. (на всю 350-тыс. армию насчитывалось 18 тыс. офицеров, из них кадровых, т.е. окончивших военные училища до Первой мировой войны – всего 1 тыс.). Поэтому победы и поражения на Восточном фронте чередовались в основном в зависимости от численного соотношения сил белых и красных. Сам А.В. Колчак, блестящий флотоводец и учёный, в отличие от А.И. Деникина (которого сам А.А.

⁷ Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 1. М., 1990. С. 151.

Брусилов в своих мемуарах аттестовал как «отличного боевого генерала»⁸) не разбирался в военно-сухопутном деле и был вынужден в этом отношении опираться на свой штаб, в наиболее ответственное время находившийся под руководством некомпетентного Д.А. Лебедева (до его замены М.К. Дитерихсом). Кроме того, население Сибири, при всей своей относительной зажиточности, не успело по-настоящему испытать на себе тягот советской власти с её продрозвёрсткой и террором⁹ (падение советской власти в этом регионе было ускорено восстанием чехов), а потому плохо понимало цели войны с большевиками. Поэтому в критические месяцы крушения фронта сибиряки (в отличие от волжан и уральцев, успевших вкусить сполна большевистского ига) раньше других разложились и положили начало массовому дезертирству, вследствие чего Восточный фронт Колчака рухнул и рассыпался быстрее, чем Вооружённые силы Юга России, до конца своей эпопеи (в ноябре 1920 г. при П.Н. Врангеле) сохранившие единое ядро и боеспособность.

Но, при всех замечательных качествах деникинской армии, организация тыла при Деникине была, наоборот, намного слабее, чем при Колчаке. И здесь причиной были почти исключительно обстоятельства субъективного характера, связанные с личными взглядами А.И. Деникина. Во-первых, он как профессиональный военный крайне недооценивал роль тыла и по существу не занимался им, почему степень развала тыла и масштабы злоупотреблений при нём были значительно больше, чем при Колчаке, и в первую очередь при Колчаке были лучше организованы хозяйственная жизнь и транспорт. Это признавали делегаты Национального центра, приехавшие летом 1919 г. с деникинского Юга в Сибирь¹⁰. Во-вторых, лично Деникин, несмотря на своё относительно правое окружение, был одержим чрезмерными либеральными комплексами и избегал брать на службу профессионалов дореволюционной

⁸ Брусилов А.А. Мои воспоминания. [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.net/books/brusilov_aleksey/moi_vospominaniya/read Дата обращения: 29.09.2019 г.

⁹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. М., 2008. С. 27, 51.

¹⁰ Сибирская жизнь (Томск). 1919. 22 июня; 5 августа.

гражданской администрации, полиции и жандармерии¹¹ (за исключением чинов судебного ведомства, пользовавшегося непререкаемым авторитетом в обществе ввиду демократической организации судопроизводства в России со времён реформы 1864 г.). Наиболее отрицательные последствия это имело в отношении спецслужб, в обстановке массовых злоупотреблений и большевистского подполья оказавшихся практически беспомощными. В военную контрразведку и государственную стражу (совмещавшую функции уголовной и политической полиции, что само по себе было неразумно и непрофессионально) при Деникине стекались худшие представители армейского офицерства, стремившиеся избежать фронта. Вследствие чего данные органы, вместо того чтобы служить опорой правопорядка, сами превратились в очаги злоупотреблений и организованного грабежа, что позднее с горечью признавал сам А.И. Деникин в своих воспоминаниях¹². Устранением этих недостатков на Юге занялся П.Н. Врангель, сменивший Деникина на его посту в апреле 1920 г., но было уже поздно.

И напротив, А.В. Колчак относился к вопросам организации тыла более серьёзно и прагматично. О его понимании значения тыла в Гражданской войне говорят его высказывания. «Всякая революция, всякий государственный переворот, в конце концов, имеет свои основания в экономическом положении государства», говорил он в своём выступлении на Государственном экономическом совещании¹³. А британскому военному министру У. Черчиллю он писал в телеграмме от 16 сентября 1919 г.: «Трудная и важнейшая, по моему убеждению, задача — создать такие условия жизни в освобождённых уже частях России, которые удовлетворили бы острые экономические нужды населения и дали ему облегчение в переживаемых испытаниях»¹⁴. Также он, в отличие от Деникина, не «брезговал» брать на службу профессионалов «царской» гражданской администрации, полиции и жандармерии, а также

¹¹ Деникин А.И. Поход на Москву. М., 1989. С. 38.

¹² Деникин А.И. Указ. соч. С. 37–38.

¹³ Речь Верховного правителя адмирала А.В. Колчака на открытии Государственного экономического совещания // Сибирская жизнь. 1919. 24 июня.

¹⁴ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. р-200. Оп. 1. Д. 330. Л. 61–61 об.

возродил профессиональную политическую полицию под названием «государственная охрана». Военную контрразведку и госохрану возглавляли при нём жандармские офицеры высокого ранга, соответственно полковник Н.П. Злобин и генерал В.А. Бабушкин. Руководителями основных армейских и региональных подразделений спецслужб также были в подавляющем большинстве профессиональные «царские» жандармы в чинах от ротмистра до генерал-майора с большим опытом работы¹⁵. Это дало свои результаты: в апреле 1919 г. центральные ячейки большевистского подполья в Сибири и на Урале были полностью разгромлены в результате блестящей совместной спецоперации колчаковской контрразведки и госохраны¹⁶. Профессиональные качества последней высоко оценивали сами советские чекисты, называя её «одним из [наи]лучше поставленных контрреволюционных учреждений»¹⁷. Высокого уровня достигла также военная разведка при Колчаке, особенно в организации железнодорожных диверсий в тылу красных и в радиоиграх. Её работу советские чекисты в своих отчётах аттестовали как «превосходную», а её руководителей — как «людей, одарённых большими организаторскими способностями и талантами»¹⁸. Всё это позволило известному соратнику В.И. Ленина, председателю Сибирского ревкома И.Н. Смирнову докладывать своему патрону, что «в Сибири контрреволюция сложилась в правильно организованное государство с большой армией и мощным разветвлённым госаппаратом»¹⁹.

Узость взглядов А.И. Деникина отчасти сказалась даже в военных вопросах. Всецело погружённый в планирование военных операций, он не уделял должного внимания комплектованию штатов армии, мобилизационный аппарат которой (за исключением донских и кубанских казаков, у которых он сохранялся с дореволюционного времени) так и не был до конца сформирован.

¹⁵ Подробнее см.: Кирмель Н.С., Хандорин В.Г. Карающий меч адмирала Колчака. М., 2015. С. 110–117, 282–283.

¹⁶ Подробнее см.: Кирмель Н.С., Хандорин В.Г. Карающий меч адмирала Колчака. С. 160–161.

¹⁷ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 10. Д. 116. Л. 1.

¹⁸ Греков Н.В. Разведывательная служба в армии Колчака // История белой Сибири. Мат-лы III междунар. науч. конференции. Кемерово, 1999. С. 43.

¹⁹ Сибирская Вандея: сборник документов / Под ред. В.И. Шишкина. М., 2000. Т. 1. С. 613.

Отчасти это объяснялось слишком быстрым ростом территории, занятой его армиями, летом и осенью 1919 г., а затем ещё более резким её сужением в конце 1919 – начале 1920 г., но отчасти и невниманием Деникина к этим вопросам (во всяком случае, переход к мобилизационной системе начался ещё осенью 1918 г., так что время было). Напротив, при Колчаке мобилизационный аппарат был сформирован и раньше, и более полноценно, что объяснялось как большей стабильностью фронта и территории, так и личным вниманием Верховного правителя²⁰. Образцово проведённая весенняя мобилизация 1919 года позволила довести численность призванных до 800 тыс. чел.²¹, но половину оказалось нечем вооружать и их пришлось распустить по домам (но здесь уже вопросы к военному снабжению белых союзными державами Антанты, от которых они в отношении вооружения зависели). Но цифры говорят за себя: на огромной, но малонаселённой территории Колчака, насчитывавшей 20 млн. чел., в пик его военных побед в апреле 1919 г. армия достигала численности 350 тыс. чел., а на меньшей по площади, но гораздо более густонаселённой территории Деникина с населением 42 млн. чел. (вдвое больше), в апогее его побед в октябре 1919 г. армия насчитывала всего 150 тыс. чел. (более чем вдвое меньше). И в этом несомненная доля вины самого А.И. Деникина.

Организация власти на Юге осложнялась также сильными автономистскими (а на Кубани – и сепаратистскими) настроениями донского и кубанского казачества. Что касается открытого сепаратизма, принёсшего огромный вред власти Деникина, то он хоть и с запозданием, но был подавлен в октябре 1919 г., когда был повешен один из лидеров сепаратистов Калабухов и отдан приказ о розыске и аресте остальных²². Но даже сама автономность Донского и Кубанского войск была настолько сильной, что они подчинялись Деникину как главнокомандующему лишь в военно-оперативном отношении; в

²⁰ Подробнее см.: Гагкуев Р.Г. Белое движение в России: социальный состав и источники комплектования белых армий (1917–1922 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2013.

²¹ Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири. [Электронный ресурс]. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/filatiev.htm> Дата обращения: 29.09.2019.

²² Деникин А.И. Указ. соч. С. 133–137.

отношении же внутреннего самоуправления они независимо управлялись своими выборными атаманами. В тылу Колчака подобного не было: менее многочисленные казачьи войска Урала и Сибири (Оренбургское, Уральское, Сибирское, Забайкальское и др.) хотя и выбирали войсковых атаманов, но подчинялись Верховному правителю не только в военном, но и в гражданском отношениях (первое время исключение составлял забайкальский атаман Г.М. Семёнов, вообще отказавшийся признавать власть Колчака, но после урегулирования конфликта между ними с помощью японских союзников в мае 1919 г. подчинился и оправдывал своё прежнее поведение результатом «недоразумения»²³). Разница в положении казачьих войск при Колчаке и при Деникине дала о себе знать и в организации высших органов управления: так, на Востоке новых сенаторов назначал единолично Верховный правитель (Колчак), а на Юге – в соотношении 1:1 («пополам») главнокомандующий (Деникин) и атаман Войска Донского (А.П. Богаевский), чем особо подчёркивалась роль донского казачества²⁴.

Как видим, при всей внешней однотипности военно-политического устройства и социально-политической программы Белого движения, между его основными очагами существовали и немаловажные, хотя и частные различия, обусловленные как объективными, так и субъективными факторами. На них мало обращалось внимания историками, и они несомненно требуют углублённого дополнительного изучения.

Сведения об авторе: Хандорин Владимир Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор Московского государственного института культуры и Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

²³ ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 4. Д. 165. Л. 72.

²⁴ Цветков В.Ж. Белое дело в России. Т. 2. М., 2009. С. 90.